

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Филиал федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет»
в г. Тихорецке

Среднее профессиональное образование

Контрольная работа
по дисциплине «Литература»

Вариант 7

Выполнил студент
гр.18-ЭБ-01

Ф.М. Кузнецов

Проверил преподаватель,
канд. филол. наук

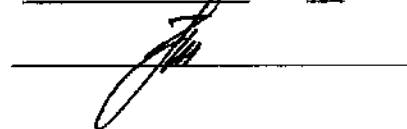
Н.В. Арнаутова

Дата защиты 20.12.2018

рег.№ 20/18

Оценка зачтено

от 20.12 2018 г.

Тихорецк
2018 – 2019 уч.год

СОДЕРЖАНИЕ

1 Петербург в творчестве Н.В. Гоголя.....	3
2 Система образов в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир».....	7
Список использованных источников.....	9

1 Петербург в творчестве Н.В. Гоголя

Николай Васильевич Гоголь оказал неоценимое влияние на русскую литературу. Он показал русскому читателю не только свою родную Украину, но и Петербург, и жизнь маленьких уездных городов. И везде он описывал не только богемных помещиков и чиновников, но и жизнь простых «маленьких» людей. При этом он старался победить зло в людях, «излечить» их от пороков, используя для этого самое сильное оружие и лекарство – его смех. Н.В. Гоголем восхищались многие, но были также люди, ругающие его произведения, но никто так до конца и не понял той необыкновенной тайны его души, которой наполнены его произведения.

Значительную часть своей жизни Н.В. Гоголь провел в Петербурге. Это не могло не отразиться на его произведениях. В очень многих из них присутствует образ Петербурга. Н.В. Гоголь написал даже целый цикл петербургских повестей. И везде это таинственный волшебный город, полный всякой чертовщины. Здесь легко оживают дома и вещи, люди ходят и разговаривают сами с собой, а обыкновенный нос может запросто убежать от своего хозяина и разъезжать по городу в экипаже, словно чиновник. Владимир Набоков писал: «Главный город России был выстроен гениальным деспотом на болоте и на костях рабов, гниющих в этом болоте: тут-то и корень его странности – и его изначальный порок». Петербург у Н.В. Гоголя – это нереальное, презренное царство чинов и вещей, царство роскоши и власти, где «маленькие люди» исчезают бесследно, не оставляя о себе никакой памяти [4].

Одним из первых произведений Гоголя, в которых присутствует образ Петербурга, является повесть «Ночь перед Рождеством», вошедшая в цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки». Здесь мы видим Петербург глазами Вакулы, словно в ад прилетевшего сюда на черте. Петербург представляется нам чем-то невероятным. Вакула просто ошеломлен его сиянием и

громыханием. Гоголь показывает Петербург через звуки и свет. Стук копыт, звук колес, дрожь мостов, свист снега, крики извозчиков, полет карет и саней – просто невероятное мелькание и суeta. В этом сказочном мире Вакуле кажется, что оживают даже дома и смотрят на него со всех сторон. Возможно, похожие впечатления испытывал и сам Н.В. Гоголь, когда впервые приехал в Петербург. О необычайно ярком свете, который исходил от фонарей, Вакула говорит: «Боже ты мой, какой свет! У нас днем не бывает так светло». Дворец здесь просто сказочный. Все вещи в нем удивительные: и лестница, и картина; и даже замки. Люди во дворце тоже сказочные: все в атласных платьях или золотых мундирах. Вакула видит один блеск и больше ничего. В «Ночи перед Рождеством» Петербург яркий, ослепительный, оглушающий и невероятный во всем.

Совсем другим выглядит Петербург в комедии «Ревизор». Здесь он уже гораздо более реален. В нем нет той сказочности, которая присутствует в «Ночи перед Рождеством», это уже практически настоящий город, в котором чины и деньги решают все. В «Ревизоре» мы встречаем два рассказа о Петербурге – Осина и Хлестакова. В первом случае это рассказ о нормальном Петербурге, который видит слуга мелкого чиновника. Он не описывает какой-нибудь невероятной роскоши, но говорит о реальных развлечениях, доступных ему и его хозяину: театры, танцующие собаки и катание на извозчике. Ну а что ему нравится больше всего, так это то, что все люди разговаривают очень вежливо: «Галантерейное, черт возьми, обхождение!» [1].

Совсем другой Петербург рисует нам Хлестаков. Это уже не Петербург с купцами и танцующими собаками, а Петербург с чиновпочитанием и невообразимой роскошью. Это Петербург мечты мелкого чиновника, который хочет стать генералом и пожить на широкую ногу. Если сначала он просто присваивает себе чин повыше, то в конце его рассказа он уже практически фельдмаршал, и его преувеличения достигают поистине невероятных масштабов: суп, приехавший на пароходе из Парижа,

семисотрублевый арбуз. В общем, Петербург в мечтах Хлестакова – это город, где у него много денег и высокий чин, поэтому он живет в роскоши и все его боятся и почитают.

Несколько другим изображен Петербург в повести «Шинель». Это город, в котором «маленькие люди» пропадают бесследно. В нем одновременно существуют улицы, где и ночью светло, как днем, с живущими на них генералами, и улицы, где помои выливают прямо из окон, тут обитают башмачкины. Переход от одних улиц к другим Н.В. Гоголь изобразил через их освещение и шинели чиновников: если на бедняцких улицах освещение «тощее» и воротник на шинели из куницы редкость, то чем ближе к богатым районам, тем ярче становится свет фонарей и тем чаще попадаются бобровые воротники. В «Шинели» описывается свободное времяпрепровождение мелких чиновников и других бедных людей. Так, некоторые шли в театр или на улицу, другие на вечер, а третьи к какому-нибудь другому чиновнику поиграть в карты и попить чаю. Дворовые же и «всякие» люди сидели по вечерам в небольших лавочках, проводя время за болтовней и сплетнями. Обо всем этом Н.В. Гоголь рассказывает в противопоставление Акакию Акакиевичу, у которого все развлечение заключалось в переписывании бумаг. Богатые люди тоже ездят в театр, гуляют по улицам, играют в карты, только билеты они покупают подороже, одеваются получше и, играя в карты, пьют не только чай, но и шампанское.

Это словно два мира одного города. Они очень похожи, но в то же время различий между ними не меньше. Эти два мира встречаются в кабинете у значительного лица в качестве Акакия Акакиевича и самого значительного лица. И во время этой встречи значительное лицо одним своим видом и голосом чуть не убило несчастного Акакия Акакиевича. Так и богатая часть города при помощи своих денег полностью подчиняет себе бедную. Бедная часть Петербурга – это словно тень второй, богатой части. Они имеют схожие очертания, но тень сера и не красочна, тогда как сам богатый город переливается всеми цветами радуги.

Самый невероятный Петербург Н.В. Гоголь изобразил в «Мертвых душах». Это абсолютно нереальный дьявольский город. Здесь мосты, словно черти, висят в воздухе, не касаясь земли. Шторы и гардины кусаются. Это, как говорит почтмейстер, сказочная Шехерезада. Этот Петербург словно центр земли: здесь как будто собрались все страны мира. Ковры почтмейстер называет Персией, а не персидскими. В приемной Копейкин боится толкнуть локтем Америку или Индию: почтмейстер, правда, говорит, что это вазы, но ведь сроду ни в Америке, ни в Индии ваз фарфоровых не делали. Обедает же капитан в «Лондоне». Люди здесь тоже разные: и русские, и французы, и англичане. Кругом все утопает в роскоши: зеркала, мрамор, вазы, серебряная посуда, арбуз за сто рублей. Кругом какое-то дьявольское нагромождение людей и вещей. Да и самого Копейкина почтмейстер сравнивает то с совой, то с пуделем, то с чертом. Даже швейцар здесь похож на моржа. От всего этого создается впечатление, что Петербург – это дьявольский город, в котором «начальник» – полноправный правитель, хотя и существует «высшее начальство». У него в приемной сидят не только бедные люди, вроде Копейкина, но и «эполеты» и «аксельбанты».

Петербург «Мертвых душ» – это странный призрак настоящего города, это именно тот город на костях, про который написал В. Набоков. В нем вещи такие же живые, как и люди. Петербург необыкновенный город. С одной стороны, это холодный, мрачный каменный город, но с другой – это центр культуры. Петербург часто затопляла Нева, словно смывая с него накопившиеся пороки.

Внутренний мир Петербурга может видеть не каждый, а только немногие, особенные люди. Одним из таких людей и был Н.В. Гоголь. Он увидел в этом городе то, что веками не замечали живущие здесь люди. В. Набоков писал: «Петербург обнаружил всю свою причудливость, когда по его улицам стал гулять самый причудливый человек во всей России» [2].

2 Система образов в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир»

Специфика системы образов романа «Война и мир» определяется прежде всего единым центром «мысль народная», по отношению к которому характеризуются все герои романа. В группу персонажей, которые входят в общенародный «мир» в нацию или в процессе жизненных исканий находит путь соединения с ним, входят «любимые» автором герои – Андрей Болконский, Пьер Безухов, Наташа Ростова, княжна Марья. Они относятся к типу романских героев, в отличие от эпических, к которым среди персонажей «мира» принадлежит Кутузов. Эпические образы обладают такими качествами, как статичность, монументальность, поскольку воплощают неизменные качества.

Так в образе Кутузова представлены лучшие качества русского национального характера. Эти качества можно обнаружить и в романских героях, но они обладают изменчивостью, постоянно находятся в процессе поисков истины и своего места в жизни и пройдя через путь ошибок и заблуждений, приходят к решению своих проблем через единение со всей нацией – «миром». Таких героев еще называют «героями пути», они интересны и важны для автора, поскольку воплощают идею необходимости духовного развития, поиска пути самосовершенствования для каждого человека. В противоположность им среди романских персонажей выделяются «герои вне пути», остановившиеся в своем внутреннем развитии и воплощающие авторскую мысль: «спокойствие – душевная подлость» (Анатолий и Элен Курагины, Анна Павловна Шерер, Вера, Берг, Жюли и другие). Все они входят в группу персонажей, которые находятся вне нации, отделены от общенационального «мира» и вызывают крайнее неприятие автора.

При этом критерием определения места персонажа в системе образов по отношению к «мысли народной» является его поведение во время

Отечественной войны 1812 года. Вот почему среди «героев пути» оказывается и такой персонаж, как Борис Друбецкой, который проходит свой путь исканий, но, озабоченный эгоистическими интересами, он меняется не к лучшему, а духовно деградирует. Если вначале он овеян поэзией чисто русской семьи Ростовых, то затем в своем стремлении сделать во что бы то ни стало карьеру и выгодно жениться он сближается с семьей Курагиных – входит в круг Элен, а потом, отказавшись от любви к Наташе, ради денег и положения в обществе женится на Жюли. Окончательная оценка этого персонажа дается во время Бородинского сражения, когда Друбецкой в момент наивысшего единения всей нации озабочен лишь своими эгоистическими корыстными интересами, рассчитывая, какой исход сражения ему выгоднее с точки зрения карьеры.

С другой стороны, среди «героев вне пути» оказывается Николай Ростов, кровно связанный с самой любимой автором семьей, воплотившей в себе лучшие черты национального характера. Безусловно, это относится и к Николаю Ростову, но этот образ интересен писателю с другой точки зрения. В отличие от исключительных, неординарных натур, подобных князю Андрею и Пьеру, Николай Ростов – типичный средний человек. В нем воплотилось то, что присуще большей части дворянской молодежи. Л.Н. Толстой убедительно показывает, что главная опасность, таящаяся в таком характере, это отсутствие самостоятельности, независимости мнений и поступков. Недаром Николай так комфортно чувствует себя в условиях армейской жизни, не случайно у него всегда есть кумиры, которым он во всем подражает: сначала Денисов, потом Долохов. Человек, подобный Николаю Ростову, может проявить прекрасные черты своей натуры – доброту, честность, храбрость, истинный патриотизм, искреннюю любовь к близким, но может, как это следует из разговора между Николаем и Пьером в эпилоге, оказаться послушной игрушкой в руках тех, кому он подчиняется.

В художественном полотне «Войны и мира» протягиваются нити «сцеплений» между разными группами персонажей. Единение всех слоев

общества перед лицом опасности, грозящей отечеству, всей нации, показано через образные параллели, связывающие представителей различных групп дворянства и народа: Пьер Безухов – Платон Каратаев, княжна Марья – «божьи люди», старый князь Болконский – Тихон, Николай Ростов – Лаврушка, Кутузов – Малаша и другие. Но яснее всего «сцепления» проявляются в своеобразных образных параллелях, Соотносимых с противопоставлением двух основных контрастных человеческих типов. Удачное название придумал для них критик Н.Н. Страхов – «хищный» и «смирный» типы людей. В наиболее полном, законченном, «монументальном» виде это противопоставление представлено в образах эпических героев произведения – Кутузове и Наполеоне.

Отрицая культ Наполеона, изображая его как «хищный тип», Л.Н. Толстой сознательно снижает его образ и противопоставляет образу Кутузова – истинно народного вождя, воплощающего дух нации, простоту и естественность народа, его гуманистическую основу «смирный тип». Но не только в монументально-эпических образах Наполеона и Кутузова, но и в отдельных человеческих судьбах других – романских – героев как бы преломляются представления о «хищном» и «смирном» типе, что создает единство образной системы – романной и реализующей жанровые признаки эпопеи.

Многообразный мир художественного произведения не только трудно, но даже и невозможно «втиснуть» в какие-то определенные рамки, «разложить по полочкам», разъяснить с помощью логических формул, понятий, графиков или схем. Богатство художественного содержания такому анализу активно сопротивляется. Но попытаться обнаружить какую-то систему все же можно, при том необходимом условии, разумеется, что она не будет противоречить авторскому замыслу.

Что было важнее всего для Л.Н. Толстого при создании «Войны и мира»? Откроем начало третьей части второго тома: «Жизнь между тем, настоящая жизнь людей со своими существенными интересами здоровья,

болезни, труда, отдыха, со своими интересами мысли, науки, поэзии, музыки, любви, дружбы, ненависти, страстей, шла, как и всегда, независимо и вне политической близости или вражды с Наполеоном Бонапарте, и вне всех возможных преобразований» [3].

Как видите, самое главное для писателя – это настоящая жизнь, понимаемая как мощная и неукротимая стихия, противостоящая любым явлениям, событиям, установленным законам, если они не совпадают с интересами простых, обыкновенных людей. На этом и строится система образов в «Войне и мире».

Есть люди, которые живут нормальной, естественной жизнью. Это один мир. Есть другой, построенный на иных, неестественных интересах (карьера, власть, богатство, самолюбие и т. д.). Это мир обреченный, лишенный движения и развития, мир, подчиненный заранее установленным правилам, обрядам, регламентам, всякого рода условностям, абстрактным теориям, мир, который в основе своей мертв.

Л.Н. Толстой принципиально не принимает любую теоретическую схоластику, отъединяющуюся от реальной, простой, нормальной жизни. Так, о генерале Пфуле в романе сказано, что он из любви к теории «ненавидел всякую практику и знать ее не хотел». Именно по этой причине князю Андрею не нравится Сперанский с его «непоколебимой верой в силу ума». И даже Соня оказывается в конце концов «пустышкой», потому что в ее добродетельности есть элемент рассудочности, расчета. Любая искусственность, роль, которую пытается вольно или невольно играть человек, запрограммированность отвергаются Л.Н. Толстым и его любимыми героями. Наташа Ростова говорит о Долохове: «У него все назначено, а я этого не люблю».

Возникает представление о двух началах в жизни: война и мир, зло и добро, смерть и жизнь. И все действующие лица так или иначе тяготеют к одному из этих полюсов. Одни выбирают цель жизни сразу и не испытывают никаких колебаний – Курагины, Берг. Другие проходят через долгий путь

мучительных колебаний, ошибок, поисков, но в конечном счете «прибиваются» к одному из двух берегов. Не так-то просто было, например, Борису Друбецкому преодолеть себя, свои нормальные человеческие чувства, прежде чем он решился сделать предложение богатой Жюли, которую он не только не любит, но, кажется, вообще терпеть не может.

Система образов в романе основана на достаточно четкой и последовательной антитезе (противопоставлении) народности и анти-народности (или псевдонародности), естественного и искусственного, человеческого и бесчеловечного, наконец, «кутузовского» и «наполеоновского».

Кутузов и Наполеон образуют в романе два своеобразных нравственных полюса, к которым тяготеют или от которых отталкиваются различные действующие лица. Что касается любимых толстовских героев, то они как раз показаны в процессе постоянного изменения, преодоления замкнутости и эгоистической односторонности. Они в дороге, в пути, и уже одно это делает их дорогими и близкими автору.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бугров Б., Голубков М. Русская литература XIX–XX веков. – М.: Издательство Московского университета, 2017. – 544 с.
2. История русской литературы первой трети XIX века. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 749 с.
3. Обернихова Г.А. Литература: учебник для студентов учреждений среднего профессионального образования. Часть 1. – М.: «Академия», 2018. – 432 с.
4. Сарычаева А.М. Русская литература. Литературоведение. – М.: «Юрайт», 2016. – 191 с.
5. Учебник для студ. учреждений сред. проф. образования: в 2 ч. Ч.1 / Под ред. Г.А. Обернихиной. – М.: Издательский центр «Академия», 2018. – 432 с.